

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ЭТНОДЕМОГРАФИЯ

Л.П.Потапов

ЗАМЕТКА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕЛКАНЦЕВ-ЛЕБЕДИНЦЕВ

Челканцы, или “лебединцы”, представляют собой группу северных алтайцев, проживающих в Турочакском аймаке Горно-Алтайской автономной области, в бассейне р. Лебедь, правого притока Бии. Река Бия изолирует этот аймак от всех остальных групп алтайцев, за исключением кумандинцев, живущих по соседству, но вследствие особенности их расселения не входящих в своей большей части в состав Горно-Алтайской автономной области.

С развитием в нашей стране исторической науки, особенно востоковедения, челканцы, как и небольшая группа соседствующих с ними кумандинцев, привлекли внимание ученых своими этнонимами.

В сферу научного анализа эти названия ввел Н. А. Аристов, который полагал, что “большая часть главных тюркских племен первоначально обитала в Алтае, как это свидетельствуют древние тюркские предания и удостоверяют племенные имена, получившие свое начало от названия местностей (рек, урочищ) в Алтае”¹. В работе, посвященной исследованию этнического состава тюркских племен и народностей, он сопоставил в числе других наименований и название “лебединцы” — “куу-кижи” (люди р. Лебедь), а также имя кумандинского сеока (рода) Со с некоторыми географическими и историческими терминами древнетюркских генеалогических легенд, зафиксированных китайскими династийными летописями (“Чжоу-шу”, “Бэй-ши” и “Суй-шу”). Основываясь на сообщении одной из упомянутых древнетюркских легенд о том, что древние тюрки произошли из владения или “государства” Со, Н. А. Аристов определил местонахождение этого владения в районе впадения р. Лебедь в Бию на том основании, что здесь проживает сеок (род) кумандинцев, именующий себя Со.

Согласно легенде, племянник главы владения Со (сын

шамана) превратился в лебедя. Н. А. Аристов увязал это сообщение с наличием группы алтайцев, называющих себя “куу-кижи”, т. е. люди р. Лебедь, лебединцы и т. д. Интерпретация упомянутой древнетюркской генеалогической легенды нашла признание и поддержку в советской исторической литературе². Правда, в этот комментарий вносились некоторые уточнения, например сообщение о превращении одного из легендарных предков древних тюрков в лебедя связывается уже не с лебединцами-челканцами, а с родом Лебедь (Хуулар) у тувинцев³. Тем не менее научное значение этногенетических сопоставлений Н.А.Аристова сохраняется и состоит в том, что исследователь увидел в генеалогических легендах древних тюрков отражение некоторых реально существовавших в далеком прошлом этногенетических связей и событий, заслуживающих доверия современного историка.

Однако было бы неосторожно при современном уровне исторических знаний настаивать на правильности упомянутых выше сопоставлений в отдельности и основывать на них этногенетические построения. Ярким примером отрицательного результата таких приемов может служить попытка определения этнического состава населения так называемого “Енисейско-Иртышского междуречья” до XIII в., предпринятая в связи с изучением этногенеза киргизского народа⁴. В данном случае автор выделяет на современной географической карте две области: Кыркыр и Куман, откуда будто бы шло выселение “основного ядра киргизского народа на Тяньшань”. Кыркыр он помещает “в верховья Оби, где Обь образуется при слиянии Бии с Катунью”, а область Куман — по соседству с ней “в бассейне р.Куманды” (?), под которой автор подразумевает, видимо, р. Лебедь.

Уже локализация области Кыркыр в небольшом лесостепном районе при слиянии Бии и Катунь делает совершенно бесполезным обсуждение вопроса о выселении отсюда основного ядра киргизов на Тянь-Шань. Еще ярче выступает фантастичность этногенетических рассуждений автора на примере характеристики области Куман, которую он этимологизирует как “желтую страну”. Отводя долину таежной р. Лебедь под область этногенеза скотоводческих племен, которые, выселяясь отсюда, составили “ядро киргизского народа на Тянь-

Шане”, автор совершенно не представляет себе, что эта маленькая долина, где глубокоснежная зима длится до 8 месяцев, совершенно непригодна для пастбищного скотоводства. “Желтый цвет” этой “страны” появляется только осенью при увядании растительности. И хотя автор уверяет читателя, что будто бы обитающие здесь кумандинцы называют себя “куу-кижи”⁵ и данное название этимологизируется как “желтый народ”, все это не приближает фантастику к действительности. Можно только удивляться тому, что большая научная литература о северных алтайцах, об их расселении и самоназвании, о географии Алтая смогла остаться неизвестной автору, а фантазирование на тему этногенеза получило доступ в такое серьезное издание, как “История Киргизии”.

В настоящее время вопрос о сложении знаменитого государства древних тюрков-тукю вполне выяснен при посредстве новых источников⁶. Получил освещение и этногенетический аспект данного процесса, длившегося с III до середины VI в., т. е. до времени возникновения первого Тюркского каганата. В связи с этим источниковедческое значение той части древнетюркской генеалогической легенды о происхождении тюрков, которую обычно связывали с Саяно-Алтайским нагорьем, хронологически отодвигается к более раннему времени, во всяком случае к периоду до 265 г., когда началось массовое продвижение на запад племен Южной Сибири и Центральной Азии. Но теперь появилась новая точка зрения на государство Со, упомянутое в легенде. Его связывают с древним названием страны, из которой происходили племена сяньби, т. е. с районом восточнее Хангая. Часть сяньбийцев, получивших наименование топа, называли со-лу, что значило “варвары со”⁷.

Таким образом, согласно этой гипотезе, часть древних тюрков могла выйти и из сяньбийской среды, тюркоязычность которой, по крайней мере в отношении топа (тоба), не вызывает сомнения⁸. Конечно, при таком положении не снимается вопрос о том, что все-таки у современных кумандинцев имеется сеок с названием Со и даже в форме Со-лу, а в первой четверти XVII в. русские письменные источники фиксируют Солунскую ясачную волость примерно в местах современного расселения кумандинцев. Кажется, что в этом случае наблюдается обычное в истории саяно-алтайских народностей переживание древних

этнонимов, зафиксированных ранними китайскими письменными источниками.

Приведем ряд таких примеров. Начнем с термина “бёкли”, сохранившегося в русских исторических документах XVII в. в форме “букла”, “буклинцы” или “боклинцы”, “буклинская” и “боклинская земля” или волость. Эта “волость” находилась в бассейне р. Тубы (правый приток Енисея, южнее Красноярска). Трудно, конечно, не сопоставить ясачных боклинцев XVII в. с народом “Бёклийской степи”, представители которого вместе с кыргызами, уч-куруканы и другими явились на похороны одного из первых тюркских каганов (в начале второй половины VI в.), как об этом свидетельствует одна из древнетюркских рунических надписей⁹. Хотя и установлено, что бёкли упомянутых надписей означало Северокорейское государство, но, вероятно, некоторые племена, входившие в него, со временем продвинулись на северо-запад, до Саяно-Алтай-ского нагорья, и принесли с собой этноним “бёкли”, по прошлой принадлежности к упомянутому государству.

Далее такой пример. Известный путешественник Д.Мессершмидт записал со слов одного “татарина на р. Сыде” (правый приток Енисея, впадающий ниже рек Тубы и Виры) рассказ о том, что улус Си (мн. ч. Силар) жил раньше по р. Ое, т. е. значительно южнее, в северных отрогах Саянского хребта, южнее Минусинска¹⁰. Название улуса Си нельзя отождествлять, конечно, с известным этнонимом “си” или “хи” (татаби древнетюркских рунических текстов), племен, обитавших в районе оз. Далай Нор. Древние китайские летописи называют си особой ветвью хуннов и отмечают, что они живут на прежних землях сяньбийцев.

Еще более показательны этнонимы “телэ”, “дубо”, “уйгур”. Этноним “телэ” был свойствен скотоводческим племенам, кочевавшим по крайней мере с IV в., а также в древнетюркский (VI—VIII вв.) период по северную сторону пустыни Гоби. Этот этноним сохранился у современных алтайцев и тувинцев (“теленгит”, “телеут”, “телес”, “телек”). Этноним “дубо — туба — тупо”, которым именовалось одно из племен конфедерации телэ в древнетюркский период (VI—VIII вв.), продолжает жить у современного населения Тувы и Горного Алтая. Если возьмем известный этноним “уйгур”, то еще сегодня

найдем его у тувинцев. Племена телэ, соприкасавшиеся с сяньбийцами и, вероятно, смешавшиеся с ними, могли принять в свою среду также древний этноним “со”, или “солу” и сохранить его до наших дней. Ведь не случайно, видимо, происхождение кумандинского сеока Со связано с телеутами, кочевавшими в конце XVI и начале XVII в. в степях правобережья Иртыша и в верховьях Оби¹¹. Нам уже приходилось упоминать о телеутах как хранителях некоторых весьма древних центральноазиатских традиций. В одной из работ приведено записанное предание о происхождении известного телеутского сеока Мундус, согласно которому мужской основатель сеока родился от девушки, зачавшей от градинки. Тогда же было обращено внимание на древность легенды, напомнив, что она приводится в древнекитайских летописных известиях, характеризующих события II в., связанные с историей сяньбийцев¹². Древняя легенда, сохранившаяся в китайских анналах, говорит о зачатии от градинки предводителя сяньбийцев Таньшихая¹³.

В предлагаемой статье рассматривается, преимущественно на наших полевых этнографических материалах, вопрос о происхождении челканцев и тем самым делается еще один шаг в разработке проблемы происхождения современных алтайцев. Вероятно, результаты этого изучения могут иметь значение и для этногенетического аспекта древнетюркской генеалогической легенды о происхождении тюрков, о чем говорилось выше. Но, как теперь известно, сближение этнонимов и некоторых моментов этой легенды с современными этнонимами населения Северного Алтая и его географией не подтверждаются данными по этнической истории северных алтайцев.

Впервые о челканцах упоминает русский документ 1625 г., в котором говорится, что русские казаки Федоров и Путимец были посланы “в Телэскую землю и в Щелканы”. Побывав в этих местах и выполнив поручение, казаки сообщили, что “Щелкальской волости по смете 20 человек, а ясаку с них взяли на тебя государя 20 соболей вновь”¹⁴. В ясачных книгах Кузнецкого уезда челканцы значатся с 1629 г. как ясачная Щелканская волость¹⁵. Уже в то время челканцы были тесно связаны с телэсами, обитавшими у Телецкого озера, к которым они нередко уходили. Иногда телэсы посыпали ясак в Кузнецк

через челканцев.

В этнографической литературе челканцы выделены в особую группу В. В. Радловым, посетившим их в 1861 г. Позднее В. Вербицкий в перечне “черновых татар”, как он именовал северных алтайцев, челканцев не выделял, хотя упомянул Щелкальскую волость в числе волостей кочевых инородцев Кузнецкого округа.

В. В. Радлов сообщил, что челканцы, почти не отличающиеся по языку от кумандинцев, называют себя обобщенно “куу-кижи”, т. е. люди р. Лебедь, по месту жительства. Они делятся на два сеока: Якшы и Чалган¹⁶. Нам удалось в середине 30-х годов добывать у челканцев, уточнить их расселение, состав сеоков и провести этнографическое изучение. Выяснилось, что челканцы действительно разделяются на два сеока, которые по-челкански именуются: Чалканыг и Шакшы, или Шакшылыг. Внутри каждого из этих сеоков браки запрещены. Но, кроме того, оба челканских сеока соблюдали экзогамные запреты по отношению к целым сеокам соседних народностей, например, тубаларскому сеоку Кузен или алтайскому сеоку Телес, но об этом речь пойдет дальше.

Пытаясь выяснить происхождение челканцев по каждому их сеоку в отдельности, мы записали ряд интересных исторических преданий, проливающих свет на этот вопрос. В одном из них, датируемом самими челканцами “ойратским временем” (Ойрот-хан тужында), т. е. временем господства ойратских ханов, еще до включения челканцев в состав Русского государства (первые десятилетия XVII в.), говорится следующее. Ойрот-хан собирал алман (дань) по р. Иртыш, затем вышел в верховья Катунь, спустился оттуда к устью реки и затем стал подниматься вверх по Бии. Узнав об этом, челканцы в знак покорности вывесили на шесте шкуру соболя, укрепив шест на берегу р. Лебедь при впадении ее в Бию. Ойрот-хан, заметив шкурку, взял ее и стал громко звать челканцев, которые находились в укрытии и наблюдали за продвижением Ойрот-хана. Когда челканцы появились, Ойрот-хан сказал, что он их трогать не будет, но они с этого времени должны платить ему алман пушниной и железом. Из предания следует, что челканцы жили по р. Лебедь вплоть до ее устья еще до появления здесь кумандинцев и были обложены алманом до появления у них

русских. Последнее обстоятельство согласуется и с русскими историческими документами, в одном из которых, относящемся к 1622 г., сказано: “А которые кузнецкие ж люди живут от Кузнецкого острогу далеко, и теми кузнецкими людьми владеют колмацкие люди и ясак с них емлют соболями и железом всяким деланым”¹⁷.

В старинном предании о сеоке Шакшылыг говорится, что предки людей этого сеока жили раньше около Телецкого озера. Население сеока составляло тогда всего “кырк тунук”, т. е. 40 “дымов” (40 юрт)¹⁸. Живущие здесь шакшылыги стали воровать лошадей у енисейских кыргызов (в предании “кара-кыргызов”), обитавших в бассейне р. Абакан. Кыргызы, чтобы наказать воров, однажды напали на шакшылыгов, полностью их разгромили и почти всех уничтожили. Однако во время этого набега один из парней сеока Шакшылыг находился в верховьях р. Лебедь, где сватал себе невесту. Таким образом, он спасся от гибели и от него-то и пошли будто бы потомки сеока Шакшылыг, которые поселились по р. Клык (левый приток Байгола). Тогда же у себя на месте спасся и другой парень, спрятавшись под доской. От него тоже пошло потомство шакшылыгов, расселившихся по р. Садре (левый приток р. Лебедь). Данное предание довольно хорошо датируется XVII в., так как известно, что енисейские кыргызы покинули бассейн Енисея в 1703 г., когда они были насильственно переселены в Джунгарию¹⁹.

Между прочим, современные челканцы рода Шакшылыг объясняют свою современную малочисленность тем, что им в свое время часто приходилось страдать от набегов кыргызов. Надо сказать, что такие набеги со стороны кыргызов на северных алтайцев действительно имели место и зафиксированы многими русскими письменными источниками XVII в. Кыргызы, как свидетельствуют источники, не ограничивали свои набеги только грабежом и разорением населения, но и уводили его в плен, где заставляли на себя работать. Что такая же участь в свое время постигла и челканцев, свидетельствуют некоторые этнографические материалы, собранные нами во время полевой работы среди челканцев. Из разговоров со стариками мы узнали, например, что сравнительно недавно, уже после Октябрьской революции, когда у челканцев еще были свои шаманы, существовал обряд проводов душ умерших. После похорон

старого человека (особенно уважаемого и авторитетного) по прошествии 5 или 6 лет, говорил Такан Пустагачев, душа умершего старика или старухи начинала беспокоить шамана, являться к нему по ночам и требовать отправить ее “в землю кыргызов”, в местность Уйту-Таш, откуда, по преданию, челканцы будто бы пришли на р. Лебедь. В таких случаях шаман совершал обряд проводов душ умерших людей (кут) в киргизскую землю, в местность Уйту-Таш. Для этого он устраивал специальное камлание, считавшееся у челканских шаманов трудным и “ответственным”, так как душу нужно было сопровождать в утомительно далекий и опасный путь. По объяснению Такана Пустагачева, при проводах таких душ в землю кыргызов не только нужно было оберегать их в пути, но еще следить за тем, чтобы к этому “походу” не присоединились души живущих людей, разгуливающих, например, во время сна человека. Поэтому некоторые шаманы совершали обряд не только с бубном, но еще держали при себе во время камлания топор как оружие защиты.

В изложенных выше шаманских представлениях, разумеется, следует видеть отражение реальных фактов из истории челканцев, а именно факта проживания челканцев в период господства енисейских кыргызов в Минусинской котловине. Известно, насколько консервативен погребальный обряд и как долго он может сохранять черты, порожденные в свое время конкретными причинами. В этом шаманском обряде можно видеть далекое воспоминание о родовых кладбищах челканцев в местности Уйту-Таш, на которых они хоронили своих умерших, живя на киргизской земле. Пока нельзя предложить локализацию местности Уйту-Таш на современной карте, хотя со временем, возможно, удастся это сделать. По всей вероятности, она находилась в бассейне Абакана, так как ближайший и единственно возможный прямой путь в Минусинскую котловину, где господствовали енисейские кыргызы из районов Телецкого озера и где обитали телесы (предки шакшылыгов), лежал через верховья Абакана.

Приведенные предания и этнографические факты навели на мысль, что два современных сеока челканцев имеют различное происхождение. Дальнейшее изучение этого вопроса не только позволило утвердиться в этом предположении, но выяснить

конкретно этническое происхождение каждого из сеоков. Особенно ясно это стало в отношении сеока Шакшылыг. Он, несомненно, телесского происхождения. Это, по существу, обособившаяся в свое время группа телесов XVII в. Возможно поэтому у них не было и своего паштыка, а они были приписаны к паштыку сеока Чалканыг.

Свидетельством телесского происхождения шакшылыгов может служить серия этнографических фактов. Начнем с того, что сеок Шакшылыг считал себя в кровном родстве с сеоком Телес в такой степени, что между представителями сеока Шакшылыг и сеока Телес запрещались браки. Лица, принадлежавшие к сеоку Шакшылыг, могли вступать в браки с представителями сеока Чалканыг, а в отношении сеока Телес это было невозможно (алышпас). Люди сеока Шакшылыг называли телесов, обитавших от них на очень большом расстоянии (за Телецким озером), братьями — “карындыш” (букв. “единоутробными”), сородичами. Осознание кровнородственной связи между столь удаленными в настоящее время друг от друга группами челканцев-шакшылыгов и телесов — является серьезным аргументом в пользу того вытекающего из различного конкретного материала вывода, что челканцы сеока Шакшылыг — телесы по происхождению. Они оказались в результате каких-то причин (возможно, тех самых военных набегов кыргызов, о которых говорится в их преданиях) в бассейне р. Лебедь, точнее, ее притока Байгола. Название Шакшылыг эта группа получила, вероятно, от наименования рч. Шакшы (левый приток Байгола). Название тех или иных территориальных или родовых групп от имени реки на Алтае не редкость. Напомним чуйцев (чу-кижи) у теленгитов на р. Чуе, маймаларов — по р. Майме (правый приток Катунь), состоявших из различных сеоков, наконец, самих челканцев, которые, по свидетельству В. В. Радлова, именовали себя лебединцами по местожительству на р. Лебедь.

О том, что шакшылыги были в бассейне Байгола не аборигенами, а пришельцами, свидетельствует косвенно еще такой факт. Как рассказывали сами челканцы, у сеока Шакшылыг было мало для промысла своей “тайги”. Поэтому они бродили в поисках зверя где попало, например в окрестностях Телецкого озера (тайга Минер и Торот). По этому поводу сеок Чалкапыг подсмеивался над шакшылыгами, сочинив про них поговорки:

“Йер йок теекен” — Не имея земли, [бродят], как росوماхи”;
“Тургун йок аккиик” — “Не имея постоянного места, [бродят],
как олени”.

Шакшылыгы появились в теперешних местах позднее, когда уже промысловые участки тайги здесь были заняты и освоены их предшественниками. Правда и у шакшылыгов была “своя тайга” для промысла в верховьях Абакана (по р. Каир). Однако ходить на промысел туда было очень далеко, да и на эту территорию для промысла часто заходили тувинцы, с которыми иногда приходилось вступать в конфликты. Очевидно, промысловые территории шакшылыгов в верховьях Абакана были их родовыми угодьями в те времена, когда они жили в составе телесов по южную сторону Телецкого озера. Уместно к этому прибавить и то, что немногочисленные “родовые тайги” шакшылыгов находились все-таки в окрестностях Телецкого озера, среди которых можно, например, указать гору Торот. Что касается священных гор шакшылыгов, от которых считалась зависящей и судьба их шаманов, то это были: Уч-Сююри (в верховьях Байгола), почитавшаяся также сеоком Чалканыг, и гора Солу, близ Турочака, которую считали своей охотничьей территорией верхние кумандинцы. Следовательно, в районе современного обитания шакшылыгы не имели не только своих родовых священных гор, но и промысловых территорий.

Поскольку челканцы сеока Шакшылыг являются потомками прителецких телесов XVII в., то мы вправе ожидать, что в их культуре и быту могут быть обнаружены черты, характерные и для телесов. Последние, как известно, принадлежали к скотоводческой группе племен и народностей Саяно-Алтайского нагорья, культура и быт которых сложились на основе занятия населения пастбищным скотоводством в соединении с охотой и примитивным земледелием. Здесь нет нужды описывать эту культуру и быт ввиду общеизвестности. Но сделать попытку уловить следы этой культуры у челканцев сеока Шакшылыг необходимо для подкрепления гипотезы о телэском происхождении шакшылыгов.

Обратимся к некоторым фактам. В недавнее время челканцы, как и другие северные алтайцы-таежники, носили составную обувь, у которой головка шилась из кожи, а голенище — из грубого самодельного холста. Для северных охотничьих

племен Алтая такая обувь была характерным этнографическим признаком. Но вот у челканцев, в частности у шакшылыгов, обнаруживаются воспоминания о том, что в старину у них обувь была другая, не похожая на составную. Ее шили целиком из выделанной кожи и на толстой войлочной подошве, с двойным швом на голенище, с небольшим каблуком, с нашивным (снаружи) задником и с острым загибающимся носком. На заднике, выше пятки, пришивалась кожаная пуговица, за которую пристегивали ремень лыжи. Таким образом, эта обувь имела приспособление для ходьбы на лыжах. Старики-шакшылыги, рассказавшие о своей старинной обуви, нарисовали такой сапог и назвали его каждую деталь: задник (чочак), каблук (такыг), носок (еки баш), шов (ыстык), голенище (коч) и т. д., настолько они хорошо помнили свою старинную обувь. Конечно, описанную обувь никак нельзя признать типичной для пеших охотников. Напротив, она характерна для скотоводов и приспособлена именно к верховой езде. Такую обувь можно встретить у южных алтайцев, тувинцев, монголов, что вполне естественно, так как перечисленные народности — типичные наездники. Кстати сказать, в отличие от других пеших охотничьих народов Саяно-Алтайского нагорья, тех же шорцев, тубаларов и т. п., челканцы не имели ручной нарты для перевозки грузов во время зимнего промысла. Охотничью ношу (тюк) они несли за плечами.

Приведем примеры другого порядка, в частности из свадебных обычаев. У челканцев-шакшылыгов при свадьбе принято сооружать для жениха и невесты временное жилище — шалаш, которое называлось “сеольти”, т.е. так же, как у телесов Улагана и нигде больше в другом месте Алтая. Этот факт весьма примечателен. Кстати сказать, при свадьбе челканцы платили за невесту калым, состоящий из различных продуктов тайги, но исчисляемый в единицах “подо”, что означает единицу счета домашнего скота, бытовавшую у монголов. Стало быть, и это тоже какой-то далекий отголосок скотоводческого быта из среды племен Саяно-Алтайского нагорья.

Но более всего, пожалуй, таких следов скотоводческого быта у шакшылыгов осталось в шаманстве. В этом отношении следует сказать прежде всего о таком любопытном факте. Шаманский бубен у челканцев, именуемый общим для алтайцев

термином “түүр”, во время шаманского камлания называется “ак-адан”. Термин “ак-адан” представляет большой интерес и вот почему. Шаманский бубен у народностей Саяно-Алтайского нагорья во время камлания осмысливается шаманом как ездовое животное, на котором он совершает свои путешествия по различным местам. Иногда бубен осмысливается как лошадь, иногда как дикое животное, например изюбр, горный козел и т. д. Термин же “ак-адан” говорит о том, что челканские шаманы осмысливали свой бубен как холощенного верхового верблюда, ибо термин “адан” (“ак” — значит священный, чистый) во многих тюркских языках, в том числе тувинском, киргизском, казахском, означает именно ездового холощенного верблюда. И это представление бытует у шаманов, казалось бы, горно-таежного охотничьего пешего племени! Может ли быть сомнение в том, что в этом представлении о шаманском бубне видно яркое свидетельство скотоводческого образа жизни предков челканцев, знакомых с верблюдоводством. Для телесов это вполне естественно. Между прочим, в одном из обращений к бубну шамана сеока Телес, записанном А. В. Анохиным, бубен шаманский именуется также ак-аданом²⁰. К сожалению, перевод этого термина дан в опубликованном тексте неверно. Вот этот отрывок:

Ак маңјакка орол — Обвейся на белый іәіјаё²¹
Ак кўзўне толгол — Накрутись на белые колокольцы
Ак кулерге адан — Накатись на белую бронзу
Ак адана токуна — Остановись у Белого отца
Ач киришке андан — Накатись на голодную тетиву
Ач коура екчель — Пристань на голодное конура

Фраза “Ак адана токуна” переведена “Остановись у Белого отца”, а следовало бы: “Остановись у священного бубна” (ак-адан). Столь неверный перевод бросается в глаза еще и потому, что как предшествующие, так и последующие фразы упомянутого обращения говорят именно об отдельных частях шаманского бубна: о колокольцах, о тетиве (так называется железная поперечина, вставленная в рукоятку бубна), о конгура (подвесках железных, подвешенных к поперечине бубна) и т. п. Таким образом, это прямое свидетельство того, что и у телесов шаманский бубен во время камлания назывался “ак-адан”, т. е. ездовой верблюд (а не белый отец!).

Если речь зашла о шаманском бубне челканцев, то

следует упомянуть еще вот о чем. Хотя “природный” челканский бубен сходен с тубаларским и кумандинским по фирме деревянной рукояти (двухголовая антропоморфная рукоятка), но в тех случаях, когда бубен получен шаманом не от родовой горы, а от неба (тенгри), он назывался “тезим”, т. е. тем же термином, что и бубен у телесов, теленгитов, южных алтайцев.

Затем обратим внимание еще на то, что у челканцев-шакшылыгов распространено почитание покровителя охотников Кан-Сарая, изображение которого в виде деревянного идола, “хромого” (одна нога укорочена), делали в каждой семье. Почитание этого духа—покровителя охотников — под таким же названием характерно как раз для телесов и теленгитов, на что в свое время уже обращалось внимание²². Правда, наряду с Кан-Сараем челканские охотники, как и тубалары и кумандинцы, почитали еще более популярного в Северном Алтае покровителя охотников — Каныма. Деревянное изображение его было двугловым, с антиподальным размещением голов и в таком виде входило даже в шаманский бубен в качестве его рукояти²³. Но у челканцев было два духа покровителей под этим названием — Ён каным и Темир куяктыг каным, причем местообитанием обоих считалось Телецкое озеро, т. е. район обитания телесов. Заслуживает внимания, что один из персонажей челканских канымов — Темир куяктыг каным — одет, как это следует из самого названия “в железную кольчугу”. Образ духа-покровителя в “кольчуге” едва ли можно считать созданием фантазии пеших горных охотников.

В этой связи может оказаться интересной следующая деталь. Как говорили челканцы, у них до появления ружья были широко распространены лук и стрелы. Стрелы носили в берестяном колчане, название которого сохранилось в памяти стариков до сих пор. Колчан называли “каптыра”. Этот термин связывает челканцев со средневековыми кыпчаками, о которых говорится в сообщении В. Рубрука, назвавшего термином “каптаргак” мешочки для различной мелочи, прикрепленные к поясу. А у южных алтайцев так называлась в недавнее время кожаная сумка (каптарга), которую надевали на себя охотники; в ней хранили и ружейные припасы.

Рассмотрев этнографический материал по интересующему вопросу, можно сделать вывод, что та группа

северных алтайцев, которую в этнографической литературе после работ В. В. Радлова принято выделять под названием челканцев, не может считаться однородной. Несмотря на то, что в нее входило только два сеока, она также смешанная по происхождению, как и все остальные группы северных (да и южных) алтайцев. Если для сеока Шакшы, или Шакшылыг (у Радлова он значится под названием Якшы), устанавливается его телесское происхождение, то в отношении сеока Чалканыг дать определение трудно. Те данные, которые сейчас имеются, сводятся к следующему. Есть такое предание. В старину жили два родных брата. Одного звали Чалганок, а второго Кузенок. Из них первый поселился в долине р. Лебедь и стал родоначальником сеока Чалканду, или Чалканыг. Второй брат, живущий вначале тоже на р. Лебедь, обосновался на р. Бии и стал родоначальником сеока Кузен, который принято относить к тубаларам. Кровное родство между сеоком Чалканыг и тубаларским сеоком Кузен подтверждалось существовавшим до недавнего времени запретом браков между этими сеоками. Челканцы и кузенцы называли друг друга “карындаш”. Из русских письменных источников известно, что оба эти названия сеоков появляются как название ясачных волостей в 20-х годах XVII в. Были ли в то время эти названия ясачных волостей даны по наименованию сеоков или, как это нередко случалось, по имени лиц, возглавлявших ту или иную группу (род или большую патриархальную семью), и обычно фигурировавших в русских документах в качестве “князцов”, остается неизвестным. Тем не менее брачные запреты между челканцами и кузенцами могут служить надежным свидетельством родства этих групп или сеоков. Между прочим, и у тубаларов нами было также записано предание о том, что сеок Кузен раньше обитал в долине р. Лебедь и жил только охотой на зверя. Кузенцы захотели разводить скот и в поисках подходящего места переселились на левый берег Бии. Так они оказались среди современных тубаларов. Убедительным подтверждением данного предания являются полевые записи о родовых охотничьих угодьях и священных родовых горах сеока Кузен. Эти горы, в частности гора Актыкан, находились на правобережье Бии в бассейне р. Лебедь; родовой почитаемой горой у них была гора Солог.

Изложенным материалом, по существу, исчерпывается

все, что можно использовать по вопросу о происхождении челканцев сеока Чалканыг (или Чалканду, по Радлову). Такого яркого и убедительного этнографического материала, какой собран у сеока Шакшылыг, среди чалканыгов не обнаружено. Хотя, конечно, и у них есть кое-какие интересные в этногенетическом плане данные, но они, скорее всего, отражают только смещение некоторых элементов скотоводческой культуры и быта шакшылыгов с чалканыгами, поскольку браки между этими сеоками допускались и осуществлялись. Подавляющее же количество этнографических данных о челканцах-чалканыгах характеризует их как аборигенов своих мест, сохранявших на протяжении ряда столетий историко-культурные связи преимущественно с тубаларами, соседними (кондомскими) шорцами и различными сеоками или территориальными группами, обитавшими в верховьях Чумыша и еще севернее, в частности, по правобережью Томи в районе западных и северных отрогов Кузнецкого Алатау.

Примечания

Опубликовано в сборнике “Бронзовый и железный век Сибири”. Новосибирск, 1974. С.304-313. При переиздании постраничные сноски перенесены в конец статьи. Замеченные опечатки исправлены. - Д.Ф.

¹ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. “Живая старина”, 1896, вып. 3-4.

² А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII вв. М.—Л., 1946; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1949; “История Тувы”, т. I. М.—Л., 1964; и др.

³ “История Тувы”, т. 1, стр. 59.

⁴ “История Киргизии”, т. 1. Фрунзе, 1963, стр. 235—242.

⁵ В долине р. Лебедь живут и называют себя “куу-кижи” челканцы, а не кумандинцы.

⁶ Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte des Ost-türken (Tu-küe), Bd. I, II. Wiesbaden, 1958; “История Тувы”, т. 1, стр. 59—60; С.Г.Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как

источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 101-114.

⁷ Liu Mau-tsai. Указ. соч., т. II, стр. 489.

⁸ L. Basin. Recherches sur les parles To-pa. T'oung-Pao, 1950, v. XXXIX, ¹ 4-5; G. Clauson. Turk, Mongol, Tungus. Asia Major. "New Series", 1960, v. VIII, part 1.

⁹ См.: нашу работу "О народе Бёклийской степи". "Тюркологические исследования". М.—Л., 1963, стр. 282—291.

¹⁰ D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien (1720—1727). Teil 1. Berlin, 1962, S. 165.

¹¹ Л.П.Потапов. Из этнической истории кумандинцев. "История, археология и этнография Средней Азии". М., 1968.

¹² Л. П. Потапов. Этноним теле и алтайцы. "Тюркологический сборник (к 60-летию А. Н. Кононова)". М., 1966.

¹³ Н. А. Бичурин. Собрание сведений о народах Средней Азии, обитавших в древние времена, т. 1. М.—Л., 1960, стр. 154.

¹⁴ Н. Оглоблин. Обзорение столбцов Сибирского приказа, т. 1. М., 1895, стр. 115.

¹⁵ Б. О. Долгих. Родоплеменной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, стр. 106.

¹⁶ "Aus Sibirien". 1. Leipzig, 1884, S. 212.

¹⁷ "Сборник кн. Хилкова". СПб., 1879, стр. 193.

¹⁸ Возможно, судя по цифре "дымов", это было целое административно-военное подразделение, наподобие дючины у западных монгол.

¹⁹ Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 161-168.

²⁰ "Материалы по шаманству у алтайцев". Л., 1924, стр. 77.

²¹ Манжак — шаманский плащ.

²² См. Л. П. Потапов. Охотничьи обряды и поверья у алтайских тюрков. "Культура и письменность Востока", кн. V. Баку, 1929.

²³ L. Potapov. Die Schamanentrommel bei den altaischen Völkern. Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker. Budapest, 1963.